

Перед ним расстился пустынный пейзаж, полотно бесплодной земли, лишенное даже одинокого дерева. Топлива, источника жизненной силы его путешествия, было мало. Локомотив, пережиток забытой эпохи, пыхтел, и его запасы угля и древесины таяли с каждым пройденным километром.

«Система», — эхом отозвался голос Цинь Аня в металлической тишине, — «сколько километров осталось до увеличения опыта?»

«Десять километров, — прорезал воздух монотонный ответ системы, — одно очко опыта за каждые десять километров».

Цинь Ань подсчитал, нахмутив брови. «Сто километров равны десяти очкам опыта». Он взглянул на панель — цифровое окно своего прогресса. Тринадцать из пятидесяти очков опыта — еще тридцать семь, чтобы разблокировать следующий этап. Оставшееся топливо принесло ему всего двадцать девять очков, и ему не хватило восьми. Прежде чем он смог повысить свой уровень, оставалось восемьдесят километров.

«Это не должно быть непреодолимо», — пробормотал Цинь Ань, устремив взгляд на горизонт. «Будем надеяться, что следующая платформа не слишком далеко».

Пустошь не давала ни передышки, ни обещания дров. Его надежды возлагались на лунную платформу впереди, маяк потенциального спасения. В бессознательном состоянии он проехал более ста километров, и расстояние между платформами обычно было приемлемым.

В бинокль появился слабый контур — платформа вдалеке. В нем загорелся огонек надежды. Там можно было найти уголь, а может быть, даже древесину. Время было 14:30, солнце отсутствовало на небе, но до наступления ночи, казалось, оставалось еще несколько часов.

«Хит, — пробормотал Цинь Ань, опуская бинокль, — почему у меня так сильно болят уши?»

В ушах пронзила жгучая боль, за которой последовал сильный зуд. «Может быть, это обморожение?» — задавался вопросом он, когда ползущее онемение распространилось на другие части его кожи.

К счастью, это было лишь незначительное обморожение, временный недуг, который со временем пройдет. Боль и зуд были единственными нежелательными спутниками.

Платформа была в пределах видимости. Цинь Ань выключил автопилот, позволив локомотиву двигаться вперед по инерции, экономя драгоценное топливо. Остановка была простой — движение поезда контролировали двое ворот: большой для полной остановки и поменьше для переднего вагона. Других экипажей у него не было, так что небольшого тормоза было бы достаточно.

Система, всегда бдительная, давала указания. Анализируя приближающуюся платформу, Цинь Ань предсказал расстояние, необходимое для включения небольшого тормоза. С тихим шипением локомотив остановился.

Цинь Ань нетерпеливо вышел на платформу, крепко сжимая в руке лопату. Скамейки, прикрученные к земле ржавыми шурупами, были сделаны из дерева – потенциального источника топлива. Расчистив снег, он потратил более десяти минут на разборку одной из скамеек.

Платформа была маленькой, всего по восемь скамеек с каждой стороны. «Хит, — вздрогнул Цинь Ань, потирая замерзшие руки, — здесь так холодно». Он знал, что нужно быть осторожным, чтобы не повредить руки еще больше. Он мысленно вернул скамейку на место в переднем вагоне и искал тепла внутри здания на платформе.

Это была комната ожидания, заставленная стульями, к счастью, не скрепленными железными гвоздями. Пять мешков с углем, каждый весом около ста килограммов, валялись разбросанными возле заснеженного дома. Цинь Ань собрал топливо, и с каждым мешком на сердце у него становилось легче. Он также искал контейнеры с едой и водой, зная, что голод будет грозным врагом в этом пустынном мире.

Он не нашел еды, но таз из нержавеющей стали остался нетронутым, обещая источник чистой воды.

Гноющая пустота в желудке была его постоянным спутником, но воды, по крайней мере, было много. Снег, девственный и нетронутый, должен быть чистым, не так ли? Если да, то не беспокойтесь о гидратации.

Цинь Ань пробормотал что-то неразборчивое, его дыхание затуманилось в холодном воздухе. Тем не менее, он наполнил таз утрамбованным снегом и поместил его обратно в тепло машины. Затем он очистил зал ожидания, отодвинул скамейки и собрал драгоценный уголь из дома.

«Черт, — пробормотал он, — неужели так скоро стемнеет?»

Небо за окном погрузилось в сумерки, холст сгущающихся синих и пурпурных оттенков. Взглянув на часы, Цинь Ань увидел, что сейчас только половина четвертого. К четырем темнота станет абсолютной.

Вспомнив загадочный совет системы, он не замедлил собирать ресурсы. Сбросив маленькие ворота, он активировал автопилот.

«Падение, обнаружен возвращающийся проводник топлива, автоматически добавляемый в котел».

«Я добавляю», — подтвердил Цинь Ань, и с этими словами уголь и древесина растворились в воздухе, сменившись обнадеживающим изменением на экране: [Оставшееся топливо может лететь: 400 километров].

«Эта штука может проехать около 100 километров? Достойна быть паровым двигателем, модифицированным системой».

Цинь Ань не мог определить точное количество угля, необходимое для того, чтобы продвинуть локомотив на километр, но наверняка этих ста с лишним килограммов угля и древесины будет недостаточно, не так ли?

Десять минут спустя небо стало бархатно-черным, часовая стрелка приближалась к четырем. Собранный им снег превратился в кристально чистую воду. Но сейчас не было времени для размышлений. Цинь Ань потерял обмороженные руки, его лицо исказилось от боли.

Мучительный зуд и боль от обморожения были невыносимы. Ему отчаянно нужны были перчатки. В противном случае даже открыть дверь поезда было бы мучением. Металлическая ручка цеплялась за его кожу, срывая слои при каждом рывке.

К счастью, Цинь Ань был северянином, знакомым с опасностями зимы. Раньше он открывал дверь машины рукавом, защищая руки от ледяной хватки.

Заставив себя не почесаться, он осмотрел таз с водой при мерцающем свете единственной лампочки внутри локомотива. Оно было прозрачным и чистым, готовым к кипячению.

Он поставил таз на край пламени котла, затем еще раз проверил время: шестьдесят километров в час. При запасе хода в четыреста километров у него было около семи часов до того, как закончится топливо.

«Этого не может быть, — простонал Цинь Ань, — сейчас всего одиннадцать часов вечера. После семи небо точно не будет светлым».

Тьма окутала внешний мир, поглотив дорогу впереди. Он ничего не видел, поэтому было невозможно узнать, когда он доберется до следующей станции. Даже если бы он это сделал, в крошечной тьме не было никаких ориентиров, и он мог бы полностью их пропустить.

Как только его начало терзать разочарование, тишину ночи прорвал звук, похожий на шипение животного.